

ковъ дѣйствительно злоупотребляла своей властью определять несогласныхъ ережиками и преслѣдовать ихъ, онъ, обсуждая первыя времена, говорить:

*“L'Église est une libre association; il y a tout profit à se séparer d'elle. La polémique contre l'erreur n'a d'autres ressources que la pensée et le sentiment. Un type doctrinal uniforme n'a pas encore été élaboré; les divergences secondaires se produisent en Orient et en Occident avec une entière liberté, la théologie n'est point liée à d'invariables formules. Si au sein de cette diversité apparaît un fonds commun de croyances, n'est-on pas en droit d'y voir non pas un système formulé et composé par les représentants d'une autorité d'école, mais la foi elle-même, dans son instinct le plus sûr et sa manifestation la plus spontanée? Si cette même unanimité qui se révèle dans les dogmes essentielles, se retrouve pour repousser telles ou telles tendances, ne serons-nous pas en droit de conclure que ces tendances étaient en désaccord flagrant avec les principes fondamentaux du christianisme? Cette présomption ne se transformera-t-elle pas en certitude si nous reconnaissons dans la doctrine universellement repoussée par l'Église, les traits caractéristiques de l'une des religions du passé? Pour dire que le gnosticisme ou l'ébionitisme sont les formes légitimes de la pensée chrétienne, il faut dire hardiment qu'il n'y a pas de pensée chrétienne, ni de caractère spécifique qui la fasse reconnaître. Sous prétexte de l'élargir on la dissente. Personne, au temps de Platon, n'eût osé couvrir de son nom une doctrine qui n'eût pas fait place à la théorie des idées, et l'on eût excité les justes moqueries de la Grèce, en voulant faire d'Épicure où de Zénon un disciple de l'Académie. Reconnaissons donc que s'il existe une religion ou une doctrine, qui s'appelle le christianisme elle peut avoir ses hérésies.”**

нѣмъ на свободу совѣсти и мысли. Но мы съ своей стороны не можемъ раздѣлять подобныхъ сомнѣній, которыя привели бы ни къ чему другому, какъ къ отвращенію у христіанства его отличительнаго характера.

*) Церковь есть ассоціація свободная; отдѣляясь отъ нея представляетъ только выгоду. Полемика противъ заблужденія осуществима только на основаніи мысли и чувства. Общая и единая догматическая форма до сихъ поръ еще не выработана; частныя разногласія свободно проявляются какъ на Востоку, такъ и на Западѣ; теологія вовсе не прикована къ неизмѣннымъ формуламъ. Если среди всего этого разногласія просвѣчиваетъ фонъ общихъ вѣрованій, то развѣ мы не вправѣ въ этомъ видѣть несокнотательно оформленную систему, согласенную авторитетными представителями той или другой школы, а — самую вѣру въ ея числѣннѣмъ побужденіи и въ самомъ непосредственномъ ея прояв-

Все разсужденіе автора сводится къ тому, что всякое сужденіе, несогласное съ исповѣдуемымъ нами въ данное время словомъ догматовъ, есть ересь. Но вѣдь въ данное время и въ данномъ мѣстѣ люди что нибудь да исповѣдуютъ и это исповѣданіе чего нибудь, гдѣ нибудь, когда нибудь не можетъ быть критеріумомъ истины.

Все сводится къ тому, что *Ubi Christus ibi ecclesia*. *Christus* — тамъ, гдѣ мы.

Всякая, такъ называемая, ересь, признавая истиной то, что она исповѣдуетъ, можетъ точно также найти въ исторіи церкви послѣдовательное выясненіе того, что она исповѣдуетъ, употребить для себя всѣ аргументы Пресаного и называть только свое исповѣданіе истинно христіанскимъ, что и дѣлали и дѣлаютъ всѣ ережи.

Единственное опредѣленіе ереси (слово *aperte* значить часть) есть названіе, которое даетъ собраніе людей всякому сужденію, опровергающему часть ученія, исповѣдуемаго собраніемъ. Болѣе же частное значеніе, чаще всего приписываемое ереси, есть значеніе мнѣнія, опровергающее установленное и поддерживаемое свѣтской властью церковное ученіе.

Есть замѣчательное, мало извѣстное огромное сочиненіе (*Unparteyische Kirchen- und Ketzer — Historie*. 1729 г.) Готфрида Арнольда, трактующаго прямо объ этомъ предметѣ и показывающаго всю незаконность, произвольность, безмысленность и жестокость употребленія слова ересь въ

ленія? Если оказывается, что это самое единство, которое обнаруживается во всѣхъ основныхъ вѣрованіяхъ, возстаегъ противъ тѣхъ или другихъ направленій, то развѣ мы не въ правѣ изъ этого предположить, что эти направленія были въ противорѣчій съ основными принципами христіанства? И не обратится ли такое наше предположеніе въ полную увѣренность тогда, когда мы признаемъ въ такомъ ученіи, отвергнутомъ церковью, характеристическія черты той или другой отжившей религіи? Если допустить, что гностицизмъ и эбонитизмъ суть законныя формы христіанской мысли, то придется смѣло признавать, что вовсе нѣтъ ни христіанскій мысли, ни отличительнаго характера, по которому можно было бы ее узнать. Подъ предлогомъ ее разширить, мы ее совсѣмъ упразднили бы. Во время Платона никто не посмѣлъ бы выразить свое одобреніе такому ученію, въ которомъ не умѣщалась бы теорія идей, и разсмѣшили бы всю Грецію тотъ, кто вздумалъ бы причислять Эпикура или Зенона къ ученикамъ Академіи. И такъ, допустимъ, что если существуетъ религія или ученіе, называемое христіанствомъ, то оно можетъ имѣть свои ереси. (Стр. 4).